

УДК 351.751.5(476)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ (1917–1922 гг.)

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

С привлечением архивных источников, периодических изданий, а также трудов современных исследователей рассмотрено становление политической цензурной системы в Советской Белоруссии. Рассматривается период ведомственной цензуры, когда политический контроль осуществляли одновременно партийные (отдел печати ЦК КП(б)Б) и административные органы (Наркомпрос, Главполитпросвет, Госиздат), а также армейское командование (Революционный военный совет Западного военного округа) и политическая полиция (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем БССР). Все вместе они образовывали цензурную систему, под контролем которой находились издательства, СМИ, театральное и киноискусство, а также библиотеки.

Ключевые слова: политическая цензура; Советская Белоруссия; ЦК КП(б)Б; Наркомпрос; Главполитпросвет; Госиздат; ЧК; Главлитбел; военно-цензурное отделение.

СТАНАЎЛЕННЕ ІНСТЫТУТА ПАЛІТЫЧНАЙ ЦЭНЗУРЫ Ў САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ (1917–1922 гг.)

А. А. ГУЖАЛОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

З прыцягненнем архіўных крыніц, перыядычных выданняў, а таксама прац сучасных даследчыкаў разгледжана станаўленне палітычнай цэнзурнай сістэмы ў Савецкай Беларусі. Разглядаецца перыяд ведамаснай цэнзуры, калі палітычны кантроль ажыццяўлялі адначасова партыйныя (аддзел друку ЦК КП(б)Б) і адміністрацыйныя органы (Наркамасветы, Галоўпалітасвета, Дзяржвыдат), а таксама вайсковае камандаванне (Рэвалюцыйны ваенны савет Заходняй ваеннай акругі) і палітычная паліцыя (Надзвычайная камісія па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам БССР). Усе разам яны ўтваралі цэнзурную сістэму, пад кантролем якой знаходзіліся выдавецтвы, СМІ, тэатральнае і кінамастацтва, а таксама бібліятэкі.

Ключавыя словы: палітычная цэнзура; Савецкая Беларусь; ЦК КП(б)Б; Наркамасветы; Галоўпалітасвета; Дзяржвыдат; Надзвычайная камісія; Галоўлітбел; ваенна-цэнзурнае аддзяленне.

Образец цитирования:

Гужаловский АА. Становление института политической цензуры в Советской Белоруссии (1917–1922 гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:55–63.

For citation:

Huzhalouski AA. Formation of political censorship institution in Soviet Byelorussia (1917–1922). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:55–63. Russian.

Автор:

Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and art history, faculty of history.
huzhalouski@gmail.com

FORMATION OF POLITICAL CENSORSHIP INSTITUTION IN SOVIET BYELORUSSIA (1917–1922)

A. A. HUZHALOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

On the basis of archival sources, periodicals and contemporary research works, formation of political censoring system in the Soviet Byelorussia is presented in the article. The author gives an opportunity to a reader to examine the departmental period of censorship when political control was carried out simultaneously by the Belarusian Communist Party, Soviet administrative bodies, as well as the Red Army and political police. Combined they constituted censoring system which put under control all the intellectual production in Soviet Belarus – books and periodicals, theatrical plays and musical pieces.

Key words: political censorship; Soviet Byelorussia; Byelorussian Communist Party Central Committee; People's Commissariat for Public Instruction; Chief Political Educational Office; State Publishing House; Extraordinary Commission; General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press; military-censorship department.

Введение

Объектом исследования в настоящей статье явился период становления государственного цензурного аппарата или, как назвала его Т. М. Горяева [1, с. 5], период ведомственной цензуры, когда политический контроль осуществляли одновременно партийные органы (отдел печати ЦК КП(б)Б), административные органы (Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет), Государственное издательство (Госиздат)), а также армейское командование (РВС Западного военного округа) и политическая полиция (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем Белорусской ССР).

Установлению большевистской политической цензуры в трех не оккупированных немцами белорусских губерниях, как и на остальной территории Российской республики, предшествовал непродолжительный период свободы слова. Временное правительство 27 апреля 1917 г. приняло закон «О печати», в соответствии с которым упразднялась политическая цензура, а также легализовывалась издательская деятельность всех политических сил. Последующую цензуру печатных изданий на предмет обнаружения в них раскрытия государственных тайн могли осуществлять в течение суток только губернские комиссары. Тогда же законом «О надзоре за публичными зрелищами» упразднялась предварительная драматическая цензура. Тексты пьес и либретто кинокартин должны были представляться для ознакомления в губернские комиссариаты, представители которого имели право наблюдения за зрелищами в специально отведенных местах в зрительном зале¹.

Однако в Минской, Могилевской и Витебской губерниях (Гродненская и Виленская губернии

были оккупированы немцами) свобода слова преимущественно в виде открытия новых периодических изданий начала реализовываться на практике сразу же после прихода к власти Временного правительства и его комиссаров на местах. Так, в течение нескольких послереволюционных недель только в Минске на смену официозным губернским ведомостям пришли 18 газет, представлявших весь спектр общественно-политических сил: «Вольная Беларусь», «Звезда», «Минский курьер», «Варшавское утро», «Дер Веккер», «Дас Идише Ворт», «Школьное дело», «Минский голос», «Минская газета», «Товарищ», «Новая заря», «Известия Минского губернского комиссара», «Известия Минского совета рабочих и солдатских депутатов», «Известия совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний», «Известия комитета Западного фронта Всероссийского земского союза», «Известия комитета Красного креста Западного фронта», «Вісті Українзапкомітету», «Dziennik Miński»².

Тогда же была отменена политическая цензура в армии. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-адъютант А. Е. Эверт 6 марта 1917 г. отдал приказ по фронту о том, что «...политическая цензура отменяется, в виду чего цензоры, при рассмотрении предназначенных к оглашению в печати материалов, не должны руководствоваться политическими соображениями; военная же цензура с ее задачами блюсти интересы армии, остается в полной силе»³.

Свобода слова являлась важным условием становления гражданского общества в белорусских губерниях. Печатные СМИ являлись инструментом гласности, позволяли наладить открытый диалог в публичной сфере, оперативно информировали

¹Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Петроград : Гос. типография, 1917. Вып. 1. С. 212, 218.

²Вольная Беларусь. 1917. № 12. С. 4.

³Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. № 266. С. 4.

граждан о происходивших процессах и событиях. Единственный инцидент с ограничением свободы слова произошел в последних числах августа 1917 г. в Минске скорее не по политическим, а по военным мотивам. По настоятельной просьбе командования Западным фронтом минский губернский комиссар закрыл редакцию большевистской газеты «Звезда», которая регулярно помещала антивоенные материалы, а также призывала солдат к дезертирству. Несколько днями позже была также пресечена

попытка возобновить издание «Звезды» под новым названием «Молот»⁴. Данный инцидент привел к открытому конфликту между губернским комиссаром Б. Н. Самойленко и Минским советом рабочих и солдатских депутатов в лице М. В. Фрунзе, который, занимая под псевдонимом Михайлов должность начальника городской милиции, уже приступил к выполнению указаний VI съезда РСДРП, утвердившего курс большевиков на вооруженное восстание.

Основная часть

Короткий период политической свободы в Белоруссии закончился сразу же после захвата большевиками власти в Петрограде. Приказом № 1 от 25 октября 1917 г. (т. е. за два дня до принятия СНК РСФСР Декрета о печати, который запрещал все инакомыслящие СМИ) Минский совет ввел цензуру всех газет, издававшихся в городе, а также тех, что приходили по почте с целью «предотвращения распространения слухов, волнующих население»⁵. Этот приказ в значительной степени носил декларативный характер, так как не было создано ни специального цензурного органа, ни ясных критериев того, что следует относить к оппозиционным большевистским взглядам, которые определялись расплывчатым эвфемизмом «волнующие население слухи».

Участник тех событий, польский социалист, член Минского совета рабочих и солдатских депутатов Вацлав Солский вспоминал позднее: «Цензуру, очевидно, кто-то решил ввести, но на самом деле в это время она еще введена не была. В эти дни примерно до половины ноября в Минске выходили эсеровские и бундовские газеты (меньшевики своего органа в Минске не имели), продавались также газеты из Москвы и Петрограда, газеты всех направлений. Но вопрос о цензуре вызвал самые резкие протесты со стороны входивших в Совет эсеров и бундовцев. В тот же день, 26 октября, они потребовали экстренного созыва собрания Исполнительного Комитета Совета, на котором прежде всего потребовали, чтобы сообщение о цензуре газет было официально опровергнуто. Собрание Исполнительного Комитета Совета, на котором я присутствовал, было очень бурным. Мясников обещал, что приказ о цензуре не будет проведен в жизнь. Один из эсеров (по фамилии, кажется, Кожевников) выступил с большой речью, протестуя против действий большевиков в минском Совете. Он сказал, что от имени Совета может выступить

только Исполнительный Комитет, в который входили представители и других партий (президиум Исполнительного Комитета состоял уже тогда из большевиков). Мясников оправдывался, говоря, что все решения были приняты президиумом, что не было времени созывать Исполнительный Комитет и т. д. Он сказал также, что большевики обратились ко всем другим партиям, входящим в Совет, с предложением поддержать новую власть и что собрание Исполкома для того именно и созвано, чтобы этот вопрос решить»⁶.

Другие источники уточняют и дополняют общую картину становления большевистской политической цензуры в Белоруссии осенью-зимой 1917 г. Так, в середине ноября Минская городская дума получила жалобу от губернского комитета партии народной свободы. В ней белорусские кадеты высказывали возмущение закрытием в ночь с 7 на 8 ноября их газеты «Минская жизнь». Командир отряда вооруженных солдат, занявшего редакцию газеты по приказу Минского совета рабочих и солдатских депутатов, лаконично объяснил свои действия публикацией в ней «статей провокационно-погромного характера»⁷.

Большевистская цензура вызвала настоящий шок у представителей всех без исключения политических сил, которые вскоре после появления приказа № 1 Минского совета пытались объединить усилия в борьбе за свободу слова. По инициативе областного комитета партии эсеров 26 декабря 1917 г. в Минске состоялось собрание социалистических и демократических организаций, в котором участвовали представители Бунда, меньшевиков, эсеров, Поалей Цион, почтово-телеграфного союза, профсоюза печатников, а также Совета крестьянских депутатов. По итогам обсуждения участники собрания избрали межпартийную комиссию по защите свободы печати, а также решили провести ряд митингов и издать соответствующий бюллетень⁸.

⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы : в 2 т. Минск : Гиз БССР, 1957. Т. 1. С. 855.

⁵ Буревестник. Орган Северо-Западного областного бюро РС.-Д.Р.П. 1917. № 17 (52). С. 1.

⁶ Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / науч. ред. С. Н. Хомич. Минск : Тесей, 2004. С. 161.

⁷ НАРБ (Национальный исторический архив Беларуси). Ф. 24. Оп. 1. Д. 3658. Л. 43.

⁸ Гомельская жизнь. 1917. № 1478. С. 2.

Не меньшее возмущение со стороны различных политических сил вызвала узурпация новой властью свободы слова в других белорусских городах. На третий день после октябрьского переворота, 28 октября 1917 г. печатный орган в то время еще не большевистского Витебского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов вышел с белыми полосами, на которых большими буквами было напечатано: «Сегодняшний № “Известий” выходит под цензурой большевиков»⁹. На следующий день Витебский военно-революционный комитет установил вооруженный караул у типографии, где издавалась газета «Витебское слово» либерального направления. Через несколько дней караул был снят, но выход газеты не возобновился. Редактору «Витебского слова» оставалось лишь принести извинения подписчикам, поместив соответствующее объявление в «Известиях Витебского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов» (далее – «Известия Витебского совета...»), которое заканчивалось словами: «большевистская цензура ничуть не хуже царской»¹⁰.

В середине ноября 1917 г. Витебский военно-революционный комитет возобновил давление на редакцию «Известий Витебского совета...», которая по-прежнему состояла из представителей различных умеренных социалистических партий. Посланный комитетом отряд захватил губернскую типографию, где размещалась редакция «Известий Витебского совета...». Всем остальным действующим в городе типографиям было запрещено печатать газету под угрозой закрытия. Патрули получили указания изымать экземпляры «Известий Витебского совета...» у уличных распространителей, а последних задерживать¹¹. Витебский революционный комитет 5 декабря 1917 г. принял постановление о закрытии политически нейтральной газеты «Новый листок» за «ложные, возбуждающие население сообщения»¹². Наконец, в феврале 1918 г. СНК Северо-Западной области и фронта принял декрет о национализации всех книжных магазинов и газетных киосков, а также частных контор по продаже печатной продукции.

В конце февраля 1918 г. в результате неспособности сторон достигнуть договоренности на переговорах в Брест-Литовске все белорусские этнические земли были заняты германскими войсками. Немецкая оккупация, сменившая в Минской, Могилёвской и Витебской губерниях большевистский режим, не вернула дооктябрьских демократических свобод в полном объеме. Так, уже 10 марта

1918 г. вышло распоряжение военного коменданта г. Минска, запрещавшее проведение публичных собраний, организацию союзов, а также вводившее предварительное цензурирование всей печатной продукции. В распоряжении разъяснялось, что немецкие власти прибегли к таким жестким мерам в целях предотвращения «какой бы то ни было революционной пропаганды, а также распространения газет, приглашавших к революционному действию»¹³. Однако это объяснение не удовлетворило ни органы местного самоуправления, ни политические организации. Минская городская дума обращалась к немецкому командованию с докладными записками, в которых просила вернуть демократические свободы, завоеванные революцией. Руководители эсеровских организаций приступили к подпольному изготовлению и распространению прокламаций в поддержку свободы слова.

Сразу после вступления в Минск частей Красной армии 1 января 1919 г. была провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ), которая 27 февраля того же года объединилась с Литовской Советской Республикой в Социалистическую Советскую Республику Литвы и Белоруссии (ССР ЛитБел). К этому времени на территории страны, контролировавшейся Красной армией, уже была введена военная цензура, в ведении которой находилась вся информация, связанная с военной тематикой. Председатель Революционного военного совета республики (далее – РВСР) Л. Троцкий 21 июня 1918 г. утвердил «Положение о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати временной» и «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру». Была также разработана «Инструкция военным цензорам», создано Военно-цензурное отделение Оперативного отдела РВСР. В соответствии с новым «Положением о военной цензуре», вышедшим 23 декабря 1918 г., военно-цензурные отделы создавались в крупных армейских подразделениях [2, с. 120–137]. К последним относилась входившая в состав образованного в феврале 1919 г. Западного фронта и дислоцировавшаяся на территории ССРБ – ЛитБел Западная армия (переименованная в марте 1918 г. в Белорусско-Литовскую, а в июне 1918 г. – в 16-ю армию). Обязанности «военного цензора печати» в ней исполнял по совместительству редактор армейской газеты Р. К. Шукевич-Третьяков¹⁴. Обе занимаемые им должности входили в организационно-штатную структуру полуправления Западного фронта (рис. 1).

⁹Известия Витебского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. 1917. № 133. С. 3.

¹⁰Там же. № 134. С. 4.

¹¹Борьба. Орган группы социалистов-рабочих и солдат. Витебск. 1917. № 1. С. 1–3.

¹²Известия Витебского революционного совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. № 31. С. 3.

¹³НАРБ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3678. Л. 42, 87.

¹⁴Шукевич-Третьяков Родион Константинович (1893–1942) родился в д. Новины Минской губернии, окончил Минское реальное училище, поступил в Петербургский политехнический институт. В августе 1914 г. ушел добровольцем на фронт. Через два месяца был ранен, попал в немецкий плен, где находился около четырех лет. С 1918 г. находился на советской работе,

Рис. 1. Родион Константинович Шукевич-Третяков.
Начало 1920-х гг.

Fig. 1. Rodion Konstantynovich Shukevich-Tretjakov.
Beginning of the 1920s

Северо-Западная областная конференция РКП(б) 31 декабря 1918 г. в Смоленске провозгласила себя I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Вскоре после образования ЦБ партии было решено образовать при нем издательно-редакционную комиссию, в задачи которой входило установление тотального партийного контроля за печатным словом в республике. На заседаниях члены комиссии определяли тираж, периодичность и структуру всех печатных изданий, в частности издававшихся в Минске трех большевистских газет «Звезда», «Молот» и «Бедняк». Про серьезность отношения партийного руководства к прессе как инструменту идеологического воздействия на массы свидетельствует перевод минских типографий на военное положение и введение воинской дисциплины для служащих в них лиц¹⁵. Тогда же было создано «Белорусское издательство», репертуар которого утверждался коллегией, состоявшей из трех высокопоставленных лиц: секретаря ЦБ В. Г. Кнорина, народного комиссара просвещения А. Г. Червякова и народного комиссара по национальному вопросу Ф. Г. Шантыра¹⁶.

Партийный контроль над газетами и журналами, издававшимися в ССРБ, усилился после прошедшего в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б). В резолюции «О партийной и советской печати» съезд констатировал: «...пресса является мощным оружием про-

паганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на самые широкие массы». Впервые был определен основной метод руководства советской прессой: «партийные комитеты должны давать редакциям общие политические директивы и указания и следить за выполнением директив». Все редакции партийных и советских газет нужно было срочно укрепить опытными партийными работниками, которые были «...обязаны фактически вести работу в газете»¹⁷.

Польская оккупация Белоруссии, длившаяся с августа 1919 г. по июль 1920 г., кроме запрета всех русскоязычных изданий коммунистического толка, принесла серьезные ограничения белорусского печатного слова, а также изданий на идише. Была введена перлюстрация переписки гражданского населения. Знакомый не понаслышке с царскими и советскими цензурными практиками, и столкнувшись с новыми, польскими цензорами, классик белорусской литературы Янка Купала в 1919 г. написал стихотворение «Поэт и цензор», посвятив его «бывшим, нынешним и будущим цензорам». В нем он передал положение, в котором оказалась молодая белорусская литература в условиях войн и революций:

І шлі так гады за гадамі
Пад воклікі чорных імшоў,
Ішоў за паэтам паэта,
За цэнзарам цэнзар ішоў¹⁸.

Строки белорусского классика оказались провидческими. Одним из первых мероприятий партийного руководства после повторного провозглашения ССРБ 31 июля 1920 г. было восстановление в республике политической цензуры.

В сентябре 1920 г. Управление военной цензуры полевого штаба РВСР республики приступило к созданию на местах военно-цензурных отделений. В Минске подобное отделение начало функционировать 23 сентября 1920 г., когда вышел приказ, в соответствии с которым «...все типографии, редакции газет, издательства книг, журналов, брошюр, чертежей, планов, рисунков и др.» обязали представлять на предварительный просмотр в военную цензуру весь без исключения предполагаемый к печати материал в трех экземплярах гранок либо полос. Кроме предварительной цензуры всей печатной продукции вводилась ее последующая

в 1919–1921 гг. в Красной Армии – боец, политический работник, редактор газеты. С 1922 г. работал в Главполитпросвете, Главлитбеле (1922–1924), являлся секретарем Минского уездного комитета КП(б)Б. С 1924 г. – редактор газеты «Белорусская деревня». В 1931–1932 гг. – председатель Всебелорусского комитета радиовещания, в 1932–1936 гг. работал научным сотрудником Института философии, заведующим массового сектора Белорусской Академии наук. После исключения из партии в 1935 г. – методист шахматного клуба Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК БССР; 18 августа 1938 г. арестован; 9 февраля 1940 г. приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер во время заключения в Северо-Восточном лагере. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁵ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 41. Л. 36.

¹⁶ Там же. Д. 42. Л. 2.

¹⁷ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1919. С. 436–437.

¹⁸ Купала Я. Поўны збор твораў Вершы, пераклады 1915–1929: у 9 т. Мінск: Мастацкая літаратура, 1997. Т. 4. С. 71–75.

цензура в виде представления в военно-цензурное отделение двух экземпляров готового материала. Руководители всех театрално-концертных организаций и антреприз были обязаны передавать на предварительный просмотр афиши, программы, плакаты и другую рекламно-печатную продукцию. Все фотостудии города должны были представлять в военно-цензурное отделение в двух экземплярах снимки военного характера¹⁹.

Процесс институционализации цензуры в военном ведомстве был прерван ее передачей осенью 1920 г. из Реввоенсовета (РВСР) ССРБ в ЧК Белоруссии, где создавалось соответствующее отделение. Рвение цензоров-чекистов пресечь случаи разглашения военной тайны часто мешало работе журналистов даже в большевистском понимании сути этой профессии. Про это свидетельствует небольшая заметка, появившаяся в начале января 1922 г. в главной партийной газете республики: «По вине военного цензора во вчерашнем номере газеты, в статье т. Адамовича вместо слов “8-я стрелковая дивизия” было напечатано “стрелковая дивизия”. Редакция поясняет, что содержание статьи относится именно к 8-й стрелковой дивизии»²⁰.

С 1 марта 1922 г. военно-цензурное отделение упраздненного ЧК Белоруссии оказалось в структуре созданного вместо нее Государственного политического управления (ГПУ) БССР. В числе первых мероприятий нового ведомства была попытка юридического оформления своего монопольного права на идеологический контроль зрелищных организаций. В середине марта НКВД БССР внес в Совет народных комиссаров соответствующий проект постановления о выдаче разрешений на право постановки театральных зрелищ, устройства концертов и киносеансов, литературных, вокальных и музыкальных вечеров, а также регистрации различных обществ²¹.

Этот проект встретил сопротивление со стороны Главполитпросвета Наркомпроса БССР, где уже существовала и активно действовала репертуарная комиссия. Ее главной задачей являлось осуществление политического контроля над содержанием всех зрелищных мероприятий, проходивших в республике – театральных постановок, концертов, вечеров. Председателем репертуарной комиссии П. Е. Гришиным была отработана технология предварительной цензуры (что в значительной степени осложнялось полиэтническим составом населения городов Советской Белоруссии), а также каратель-

ной цензуры в виде запрещения мероприятий с привлечением милиции²². Отголоски репрессивной политики, проводимой в отношении творческой интеллигенции в относительно либеральные 1920-е гг., можно найти на страницах газет того времени. Например, 5 июня 1922 г. постановлением Народного суда «артист Лев Браун был оштрафован на 50 руб. в золотой валюте с запретом на 6 месяцев выступать в театрах БССР»²³. Вскоре к судебной ответственности был привлечен распорядитель вечера в клубе Народного комиссариата связи за «отступление от программы дозволенной репертуарной комиссией»²⁴.

Борьба между ГПУ и Главполитпросветом за установление монопольного контроля за зрелищными учреждениями и мероприятиями закончилась победой последнего. В протоколе заседания отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б от 27 ноября 1922 г. сообщается: «Слушали вопрос “О театральных представлениях и вечерах”. Постановили: “Устройство вечеров производить исключительно с разрешения Главполитпросвета. Все афиши и плакаты о вечерах должны быть процензурованы Главполитпросветом”»²⁵. Кроме контроля за зрелищным репертуаром, уже в 1920 г. Главполитпросвет начал практику изъятия из библиотек и книжной торговли «вредных» изданий. Одной из первых жертв библиотечных чисток, которые в недалеком будущем приобретут в Советской Белоруссии катастрофические размеры, стала устаревшая после введения НЭП брошюра «Театральная пропаганда», изданная в 1920 г.²⁶

Безусловное право на выемку и перлюстрацию корреспонденции частных лиц было предоставлено Всероссийской ЧК циркуляром Народного комиссариата почт и телеграфов еще в октябре 1918 г. В отличие от почтовой военной цензуры перлюстрация писем гражданского населения носила секретный характер. В последующие несколько лет была отработана процедура, в соответствии с которой на каждое письмо, в котором была обнаружена крамола, составлялся «меморандум». В нем указывался тип корреспонденции, подробные адреса отправителя и получателя, цитата с крамольной частью, резолюция (например, «конфисковано»), дата и фамилия контролера. Так, например, 18 ноября 1921 г. конфисковали письмо, отправленное из Минска на станцию Елань Саратовской губернии, где, в частности, писалось: «Сейчас нас прижали с продналогом, приходится много давать

¹⁹Звезда. 1920. № 40. С. 3.

²⁰Там же. № 6. С. 4.

²¹Там же. № 89. С. 4.

²²Там же. № 73. С. 4.

²³Там же. № 133. С. 3.

²⁴Там же. № 137. С. 6.

²⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 374. Л. 9.

²⁶Звезда. 1921. № 169. С. 4.

хлеба, а также других предметов, несмотря на то, есть у кого чего давать или нет, давай, душа вон, это что-то несправедливо работается в нашей Советской Республике»²⁷.

Внутренняя корреспонденция просматривалась избирательно. Те письма, где критиковались советские порядки, после составления «меморандума» уничтожались. Некоторые письма из оперативных соображений (например, когда советский или партийный работник говорил о разочаровании в партии или советском строе) отправляли, а отправителя и адресата потом «вели». Так 26 января 1921 г. поступил цензор ЧКБел № 21 А. Гельфанд, отправив после перлюстрации и составления меморандума письмо студента рабочего факультета Белорусского государственного университета, члена партии К. Гуревича его брату И. Гуревичу в Бобруйск. Подозрение цензора вызвало следующее место письма: «Все коммунисты 1899, 1900, 1901 годов должны быть направлены в армию, в Минске это уже проводится в жизнь, также и на Рабфаке. Мне очень жаль расставаться с рабфаком и ты Иосиф должен переговорить с Лиокумовичем о том, может быть я, как продработник, могу быть отозван через какую-нибудь военную часть»²⁸.

Тотально просматривалась международная корреспонденция. Из писем, поступающих в БССР из-за границы (Нью-Йорка, Варшавы, Палестины), выписывали данные, которые могли помочь советской разведке составить реальное представление о социально-экономическом и военно-политическом положении за рубежом. Особое внимание в контексте подготовки мировой революции цензоры уделяли сообщениям о голоде, забастовках, социальных и национальных конфликтах (рис. 2).

После национализации типографий в январе 1921 г. Президиум Центрального исполнительного комитета БССР принял постановление «О создании Государственного издательства Белоруссии и централизации печати». По замыслу авторов постановления, в белорусском Госиздате должна была концентрироваться вся литературно-издательская деятельность, а также распространение печатной продукции на территории республики. В структуре Государственного издательства Белоруссии был создан политический отдел, который осуществлял функции цензурного органа, контролирующего всю печатную продукцию, выходившую в то время в БССР, в том числе 12 периодических изданий. Без визы заведующего Госиздата, на должность которого был назначен Е. И. Эйдельман, не мог быть напечатан ни один материал.

Новая экономическая политика вынудила уже через несколько месяцев внести коррективы в политику централизации печати. В республике по-

Рис. 2. Меморандум военно-цензурного отделения ЧК Белоруссии. 1921 г.

Fig. 2. Memorandum of the Byelorussian Extraordinary Commission military-censorship department. 1921

являлись все новые государственные и кооперативные издательства. В середине 1921 г. в условиях утраты монополии Госиздата на издательскую деятельность в республике его цензурные функции перешли к республиканскому партийному руководству. Для установления над новыми издательствами идеологического и цензурного контроля в структуре агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП(б)Б был образован подотдел печати с совещательным органом – советом печати, куда вошли представители руководящих структур коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, Наркомпроса и др. В задачи подотдела входило «общее наблюдение за республиканской печатью и ее руководство путем созыва периодических совещаний редакций... руководство и инструктирование уездной печати»²⁹.

Следует отметить, что партийное руководство и до этого имело последнее слово в принятии решения о судьбе подготовленных к печати материалов, а часто и их авторов. Например, в феврале 1921 г. ЦК КП(б)Б запретил издание в Госиздате пропущенных Е. И. Эйдельманом материалов партии Поалей Цион [3, s. 154]. В декабре следующего года группе белорусских писателей было отказано в разрешении создать литературное общество «Вир». Поэтому появление подотдела печати в структуре отдела

²⁷ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 674. Л. 11–11 об.

²⁸ Там же. Д. 1001. Л. 6–6 об.

²⁹ Там же. Д. 374. Л. 3.

агитации и пропаганды ЦК следует рассматривать как важный шаг на пути институционализации партийной цензуры.

Первый знаковый цензурный запрет подотдела печати коснулся поэтического сборника Янки Купалы «Наследие», подготовленного к печати в начале 1922 г. в кооперативном издательстве «Возрождение». Партийные цензоры выбросили из сборника по политическим соображениям стихотворения «Восстань» и «Жиды» [4, с. 225–242]. А в оставленном стихотворении «Наше хозяйство» в строках «И душит клич: как долго будут нами править / Варшава панская и царская Москва!» вместо двух последних слов цензоры поставили многоточие³⁰. Замена нежелательных слов многоточием была приемом, заимствованным у цензоров царских времен. Вскоре этот архаичный прием, который свидетельствовал о присутствии цензуры в публичном поле на законных основаниях, исчезнет из практики работы Главного управления по делам литературы и издательств, которая будет окутана завесой секретности.

В рассматриваемый период политическая цензура не регулировалась никакими государственными юридическими актами. Отсутствовали утвержденные списки запрещенных тем, произведений, имен, наконец, техника обнаружения завуалированной критики советской власти. В этих условиях новоиспеченные цензоры руководствовались «революционным сознанием», что зачастую приводило к скандальным инцидентам. Один из них произошел 30 июля 1921 г. с упомянутым выше редактором «Красноармейской правды» и цензором по совместительству Р. К. Шукевичем-Третьяковым. В тот день вышел подписанный им номер газеты, где был размещен акrostих, из первых строчных букв которого складывался призыв «Долой коммунистов». Несмотря на тяжесть проступка, редактор после объяснений в военно-цензурном отделении Смоленской ЧК и особом отделе Западного фронта был прощен. Крамольный номер особый отдел изъясил из библиотек-читален и у отдельных лиц с помощью осведомительской сети и агентов. Эта история получила продолжение 9 августа того же года, когда Р. К. Шукевич-Третьяков пропустил в номер еще один акrostих, на сей раз призывавший «Бей жидов». Эта ошибка стоила ему должности редактора. Тем не менее редакторский и цензурский опыт Р. К. Шукевича-Третьякова в условиях острого дефицита подготовленных кадров был востребован. Осенью 1922 г. Р. К. Шукевич-Третьяков после непродолжительного «реабилитационного» пребывания на должности в Главполитпросвете получил предложение возглавить

создаваемое в Минске белорусское цензурное ведомство [5, с. 6].

Период становления института политической цензуры завершился созданием Главного управления по делам литературы и издательств БССР (Главлитбел) и Центральной репертуарной комиссии (ЦРК). Созданное по московскому образцу постановлением СНК БССР от 5 января 1923 г. цензурное ведомство фактически начало работу в Минске уже осенью 1922 г. На Главлитбел и его местные органы возлагались следующие обязанности: предварительный просмотр всех предназначенных к печати или распространению литературных произведений как рукописных, так и печатных, снимков, рисунков, карт; выдача разрешений на право издания отдельных произведений; составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению; издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов. Наиболее ответственным участком работы цензуры являлась периодическая печать. К моменту создания Главлитбела в республике издавалось семь газет («Звезда», «Савецкая Беларусь», «Веккер», «Млот», «Красная смена», «Юнгер арбайтер», «Юный пахарь») и два журнала («Вперед», «Полымя») на белорусском, русском, польском языках и на идише³¹.

Главлитбел запрещал издание и распространение произведений, которые содержали агитацию против советской власти, раскрывали военную тайну, возбуждали националистический и религиозный фанатизм или имели порнографический характер. Первым белорусским литературным произведением, запрещенным Главлитбелом, было стихотворение Янки Купалы «Перед будущим», звавшее белорусов к национальному освобождению [6, с. 40]. От политической цензуры освобождалась партийная коммунистическая печать. Борьба с распространением произведений, не разрешенных Главлитбелом, поручалась Государственному политическому управлению (ГПУ). Отдельный пункт постановления СНК БССР «О Главлите» предусматривал создание Центральной репертуарной комиссии, главной целью которой являлся контроль за театральными и зрелищными мероприятиями. Этими объектами ограничивалась деятельность цензурных органов БССР в течение первых лет их существования³².

Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) БССР 9 ноября 1922 г. утвердил положение и штаты Главлитбела в составе председателя (Р. К. Шукевич-Третьяков), заместителя (сотрудник ГПУ Раков), члена (сотрудник Народного комисса-

³⁰ Купала Я. Спадчына. Менск : Бел. кооп.-выд. тав-ва «Адраджэньне», 1922. С. 82.

³¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 936. Л. 116.

³² Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 201. Л. 1.

риата по военным делам В. Тимонов) и секретаря. Была также сформирована коллегия Главлитбела в составе 30 ученых, литераторов, деятелей искусства, работавших по совместительству и собиравшихся несколько раз в месяц. В то же время началось создание низовых цензурных органов. На заседании коллегии Главного управления по делам литературы и издательств Беларуси 21 ноября 1922 г. были утверждены инструкции уездным

представителям цензурного ведомства. Формально Главлитбел подчинялся Наркомпросу БССР, но на самом деле выполнял инструкции, приказы и был подотчетен Главному управлению по делам литературы и издательств РСФСР (с которым юридически занимал равное по статусу положение) и был политически подконтролен ЦК КП(б)Б, что официально засвидетельствовало бюро ЦК своим постановлением 17 декабря 1926 г.³³

Заклучение

Таким образом, на протяжении 1917–1922 гг. на территории Советской Белоруссии сложилась децентрализованная система политического информационного контроля, в которой свои права на эту деятельность предъявляли военно-революционные комитеты, советы, военное ведомство, ЧК-ГПУ, Госиздат, Главполитпросвет и даже профсоюзы³⁴. Ситуация с политическим контролем обострилась с началом проведения новой экономической политики. Формирование новых кооперативных и част-

ных издательств, книжных магазинов, антрепризы, кинозалов создавало опасность появления «вредной» продукции, которая напоминала о существовании либерально-демократических ценностей. Это вызывало обеспокоенность высшего партийного руководства, которое пошло на учреждение централизованного союзно-республиканского органа государственного управления, осуществлявшего системный политический контроль за печатью, радио, театром, эстрадой, кино.

Библиографические ссылки

1. Горяева ТМ. *История советской политической цензуры. 1917–1991 гг.* [автореферат диссертации]. Москва: [б. и.]; 2000.
2. Батулин ПВ. Создание советской военной цензуры в 1918 году. *Военно-исторический архив*. 2010;2(122).
3. Głogowska H. *Białoruś. 1914–1929. Kultura pod presią polityki*. Białystok: Białorus. T-wo Hist. Orthdruk; 1996.
4. Гніламедаў У. Апантань беларускім лёсам. Творчасць Янкі Купалы ў паслякастрычніцкія часы. *Полымя*. 1994;7: 235.
5. Климкович С. Первый редактор. *Белорусская военная газета. Во славу Родины*. 2015;184.
6. Адамовіч А. *Якуб Колас у супраціве саветызацыі*. Мюнхен: Інстытут для вывучэння гісторыі культуры СССР; 1955.

References

1. Gorjaeva TM. *Istoriya sovetskoi politicheskoi tsenzury. 1917–1991 gg.* [History of the Soviet Political Censorship. 1917–1991] [dissertation abstract]. Moscow: [publisher unknown]; 2000. Russian.
2. Batulin PV. *Sozdanie sovetskoi voennoi tsenzury v 1918 godu* [Making of the Soviet Military Censorship in 1918 year]. *Voенno-istoricheskij archiv*. 2010;2(122). Russian.
3. Głogowska H. *Białoruś. 1914–1929. Kultura pod presią polityki*. Białystok: Białorus. T-wo Hist. Orthdruk; 1996. Polish.
4. Hniledau U. *Apantany belaruskim ljosam. Tvorchasc' Janki Kupaly w pasljakastrychnickija chasy* [Obsessed with the Fate of the Belarusians. Creatives of Jakub Kolas in the postoctober years]. *Polymja*. 1994;7:235. Belarusian.
5. Klimkovich S. *Pervyi redaktor* [First Editor]. *Belorusskaja voennaja gazeta. Vo slavu Rodiny*. 2015;184:6 Russian.
6. Adamovich A. *Jakub Kolas u supracive savetyzacyi* [Jakub Kolas Against Sovietization]. Munich: Institute for Research of USSR History of Culture; 1955. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 22.02.2018.
Received by editorial board 22.02.2018.

³³Платонов Р. П., Адамушко В. И., Семешелев Д. В. и др. Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.). Отражение времени в архивных документах / под ред. Р. П. Платонова. Минск : БелНИИДАД, 2001. С. 178.

³⁴Например, в июле 1921 г. Президиум минского отдела Союза работников искусств принял решение о том, что никто из приезжающих гастролеров не имеет права без его разрешения устраивать концерты, спектакли, вечера и пр. (см. Звезда. 1921. № 171. С. 3).